

Возвращение «сталинской экономики»

В 2020-х Россия рискует повторить коллективизацию: вместо нефти прибыль будут извлекать из людей.

Сравнение сталинской «командной» экономики СССР и современной «рыночной» экономики России кажется странным. Но только на первый взгляд и только для тех, кто представляет себе Советский Союз времен первых пятилеток по картинкам из детских книжек, а современную Россию — по эфирам одноименного телеканала.

Сопоставление через картинки мешает, потому что символами сталинских пятилеток нам кажутся плотины гидроэлектростанций и плавильные печи, а символами нынешних «нацпроектов» — нефтяные вышки и торговые центры. Но фундамент представлений начальства о том, каким образом и ради чего должна функционировать экономика страны совершенно не изменился за последние девяносто лет.

Возвращение в прошлое

Спросим сто человек о том, как Сталин управлял экономикой СССР, и 99 ответят, что вождь «строил социализм в отдельно взятой стране». Как известно, ни Маркс, ни Ленин, последователем которых себя провозгласил Сталин, никогда не говорили, что социализм надо как-то специально «строить». Точно так же, как никто не «строит» капитализм. А главным стимулом к работе должно было быть естественное желание людей жить завтра лучше, чем сегодня. Собственно, это и обещали большевики в 1917 году.

Отберем у капиталистов заводы, поделим между крестьянами землю, «прибавочную стоимость» обратим в общую пользу — вот тут-то мы и заживем.

Однако примерно к середине двадцатых годов XX века, когда земля была поделена, а заводы отобраны, выяснилось, что жить стало веселее, но ни как не легче — экономика страны более-менее вернулась к показателям 1913 года. Надо помнить, что граждане СССР того времени, включая самого товарища Сталина, имели опыт жизни до революции и могли сравнивать. И нельзя сказать, что сравнение было однозначно в пользу социализма. Как замечал персонаж шолоховской «Поднятой целины», крестьяне не видели большой разницы между старыми и новыми порядками — «плати налоги, живи, как знаешь. Ну, завоевали, а потом что? Опять за старое, ходи за плугом, у кого есть, что в плуг запрягать».

Точно так же и рабочие в городах не могли сказать, что их уровень жизни как-то значительно вырос по сравнению с дореволюционным. Надо было так же стоять у станка и так же отдавать в магазин заработанное. А цены были выше. А зарплаты — ниже. Как писал российский исследователь проблем модернизации Сергей Журавлев: «... в 1928 году объемы производства национального дохода и его структура были примерно такими же, как и в довоенном 1913-м... Одновременно обозначилась и другая проблема — нехватка хлеба в городах... Государство мало что могло предложить производителям товарного зерна, и они отказывались продавать его, поскольку не могли реализовать вырученные деньги»...

Денег нет, и как держаться?

Сталин и его окружение прекрасно знали, чем может обернуться ситуация, когда недостаток товаров в деревне

сочетается с недостатком хлеба в городе. Собственно, такое сочетание обстоятельств и опрокинуло царский режим в феврале 1917-го. И знаменитая сталинская фраза насчет того, что Россия отстала от передовых стран на 50–100 лет, и это отставание надо «пробежать за десять лет, иначе нас сомнут», — была вовсе не о возможном поражении в войне с «империалистическими хищниками».

Товарищ Сталин намекал, что народ снесет большевиков, хотя бы под лозунгом «За Советы без коммунистов», который его соратники прекрасно помнили и которого до смерти боялись...

Но для преодоления дистанции, о которой говорил вождь, нужна была одна, но критически важная вещь — деньги. А денег не было. Сталин отдавал себе отчет, что служило драйвером индустриализации Российской империи. Экспорт зерна плюс иностранные инвестиции, бывшие источником капитала для промышленности. Накануне Первой мировой войны доля этих инвестиций в совокупном торгово-промышленном капитале России достигла 43%.

[Новая Газета в Яндекс.Новостях](#)

Но мировые цены на зерно после Первой мировой войны рухнули и никогда более не восстановились. А чтобы привлечь иностранный капитал, нужно было для начала вернуть заводы и фабрики прежним владельцам — всем этим Лесснерам, Гужонам, Михельсонам и Сименсам, на что товарищ Сталин пойти не мог. То есть сам Сталин, наверное, и вернул бы, он был прагматиком и циником, но как было убедить товарищей по Политбюро?

Рассчитывать на привлечение внутреннего капитала тоже не приходилось. Есть рассказ, как один из руководителей советской тайной полиции вызвал к себе на беседу знатных

МОСКОВСКИХ «НЭПМАНОВ», ЛЕГАЛЬНЫХ «СОВЕТСКИХ КАПИТАЛИСТОВ».

«Что же вы, уважаемые граждане, не желаете хранить деньги в трудовых сберегательных кассах, — заорал почетный чекист. — Или забыли, сукины дети, что Советская власть гарантирует безопасность вкладов?!»
«Мы, гражданин начальник, — пискнули «нэпманы», — не сомневаемся, что ваша власть гарантирует безопасность вкладов. — А вот как насчет безопасности вкладчиков?». «Безопасность вкладчиков», в отличие от «безопасности вкладов», Советская власть гарантировать не могла — по принципиальным соображениям.

«В консервные банки обую, а на работу пойдешь!»

Деньги нужно было искать внутри — по карманам рабочих и крестьян. Крестьян было больше. Девяносто лет назад в сельской местности проживало свыше 80% населения СССР. Крестьянам и предстояло стать «ресурсом» для индустриализации. Так и нынешнее начальство скалит зубы, называя людей «второй нефтью».

Какое-то время большевикам нравилась идея изъятия ресурсов из деревни через «ножницы цен» — дешево покупаем хлеб, дорого продаем товары. Но ничего не получилось — крестьяне просто начали сокращать посевные площади. И тогда Сталин решил пойти с козырного туза — коллективизации.

С точки зрения экономики, «коллективизация» была ничем иным как сверхналогообложением крестьян. Каждый колхозник был обязан отработать определенный минимум «трудодней» как в колхозе, так и на общественных работах. Крестьяне получили «обязательства» и по государственным

поставкам — перечень видов сельскохозяйственной продукции, которые производили колхоз и личные подворья. К этому следует добавить многочисленные денежные налоги — вплоть до налога на рыбалку и налога на овощи, выдававшиеся в оплату трудодней. И всю социальную инфраструктуру на селе колхозники содержали за собственный счет. Это не считая покупки облигаций государственного займа, налога на строения и так далее...

Кто мог, побежал из деревень в города. Этого и хотели большевики. Новых рабочих уже ждали лопаты, носилки и кирпичи для строительства заводских корпусов, а как только из-за границы были привезены американские конвейеры, к этим конвейерам тут же нашлись рабочие руки, готовые трудиться на любых условиях, только бы не возвращаться в колхоз.

Кстати, представление, что индустриализация была оплачена исключительно экспортом колхозного хлеба, не подтверждается статистикой. Согласно данным справочника «Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918–1937 гг.», выпущенного в Москве в 1939 году, в течение двух первых пятилеток за счет экспорта товаров и сырья удалось выручить (в современных ценах) не более 50 миллиардов долларов. Откуда взялись деньги на конвейеры? Как ни парадоксально — из займов от «империалистических партнеров» плюс из золота, которое изымалось у населения. Товарищ Сталин был настоящим мастером извлечения барышей — минимум можно было купить по твердым ценам — по карточкам, а все остальное нужно было заработать самому и купить по ценам «коммерческим». Кто не мог работать, нес в магазины «Торгсин» припрятанные сбережения — вплоть до серебряных ложек.

Понятно, что такая политика означала экстремальное снижение доходов и потребления населения «в среднем».

Но концентрация ресурсов в руках государства позволяла обеспечить повышение потребления привилегированных групп, в первую очередь разнообразного начальства, пропагандистов и силовых структур.

Никакого «равенства» — даже официальная зарплата сталинского министра в тот период превышала средний заработок в стране в 30 раз.

Не считая начальников «главных управлений-чего-то-там» — полного аналога современных российских государственных корпораций.

Но крестьянин, ушедший в город, сравнивал свой быт не с бытом начальства, а с бытом родного колхоза. И сравнение было явно в пользу города, даже барачного городка по соседству с лагерными бараками.

А в снижении уровня потребления товарищ Сталин большой беды не видел. Как говорили в его лагерях: «В консервные банки обую, а на работу пойдешь!»

Оттепель: «нефть» вместо «людей»

Только в 1960-х наследники Сталина пошли на смягчение экономического режима для крестьянства, да и вообще «отпустили гайки». Причин здесь было две.

Во-первых, у власти появился инструмент, позволяющий решить проблему продовольственного обеспечения индустриальных городов без участия деревни — путем «обмена нефти на зерно». С точки зрения макроэкономики, это было вполне приемлемое решение — в духе «замещения труда капиталом»: добыча нефти требует инвестиций, но она значительно менее трудоемка, чем сельскохозяйственное производство при тогдашнем технологическом уровне.

Проще говоря, эффективнее стало инвестировать в нефтяную скважину, чем в колхоз!..

Во-вторых, начальникам приходилось разговаривать с представителями двух сравнительно многочисленных поколений советских граждан. Первое, родившееся в 1910-х, своими руками построило так называемую «индустриальную базу социализма». Другое поколение, родившееся в 1920-е, выиграло войну. На рубеже 1960-х тем, кто выжил на ударных стройках и в передовых окопах, было от 35 до 50 лет — возраст, когда человек задумывается о промежуточных итогах жизни. И граждане могли спросить: «Когда же будет многократно обещанный коммунизм?» Поэтому народу были объявлены «земля и воля». «Землей» стали метры жилплощади в «хрущевках», а «волей» — смягчение паспортного режима в деревнях. Программа КПСС обещала даже коммунизм еще при жизни нынешнего поколения советских людей, но... коммунизма так и не получилось.

Зато — уже после демонтажа командной экономики — удалось наполнить прилавки магазинов, ликвидировав ненавистный дефицит, терзавший страну еще с 1930-х.

Заморозки: «люди» вместо «нефти»

Петр Саруханов / «Новая газета»

Однако в какой-то момент экономический рост новой России уперся в тот же самый барьер, что и девяносто лет назад — отсутствие долгосрочных инвестиций. Российская власть делом доказала свое умение обеспечивать безопасность вкладов и полное нежелание обеспечивать безопасность вкладчиков. Даже самые близкие к начальству государственные капиталисты предпочитали держать заработанное подальше от родной земли. Сделать же ставку

исключительно на доходы от экспорта начальство опасалось — учитывало мировой опыт. И тогда наследники Сталина решили использовать приемы из арсенала вождя народов — изъять ресурсы из потребления и направить их на инвестиции. Одновременно увеличив налогообложение.

Кстати, вопреки начальственным заверениям, большая часть российского бюджета обеспечивается вовсе не экспортом. Экономист Андрей Мовчан приводил расчет, согласно которому граждане платят не только подоходный налог, обеспечивающий примерно 10% совокупных доходов бюджета, но также НДС (20%), налоги на совокупный доход и имущество (5%), социальные взносы (20%), часть акцизов и таможенных платежей (10%). Кроме того, частные компании, бенефициарами которых являются граждане, платят налог на прибыль, а это еще 5% бюджета. Получается, что налоги россиян формируют две трети бюджета. Но и оставшаяся треть — доходы «государства» от добычи и реализации полезных ископаемых и доходы от деятельности «госкомпаний», с точки зрения Конституции, тоже принадлежат гражданам, а государство, как верно заметил экономист, — есть «посредник в процессах платежа, и ничего более».

Глядя на практику строительства российского государственного капитализма, товарищ Сталин мог бы похвалить строителей за следование заветам вождя.

Вот вам «ножницы цен» — покупаем у народа дешево, продаем дорого. Вот рост налогов и сборов, с одновременными инвестициями в то, что кажется привлекательным главному начальнику... Именно так товарищ Сталин и действовал. Иностранные технологии и сложная техника? Купим и привезем. Кончилась дешевая рабочая сила в деревнях? Ерунда! Если в начале 1930-х бежали из деревни в ближайший областной город, то теперь

из областных и районных городов бегут в Москву или за кордон...

Коррупция? Нашли чем удивить! Это швею могли посадить за вынесенную с фабрики катушку ниток, оформив дело на «двести метров пошивочного материала». А для начальственного воровства в сталинское время существовал особый термин «самоснабжение», за которое строго не спрашивали — в крайнем случае, могли переместить на другую руководящую работу. Вот если начальник утрачивал «политическое доверие», его могли ждать ужасные неприятности, а из его квартиры выволакивали чемоданы денег и вещей. Так и сейчас какой-нибудь начальник сначала «утрачивает доверие», а уже потом оказывается взяточником и расхитителем. Не наоборот.

Народ обеднел — это не проблема...

Бег без результата

Возникает вопрос — если наши начальники действительно следуют сталинским рецептам управления экономикой, где же тот многократно описанный учебниками подъем экономики СССР, который считается главным достижением вождя народов?

А кто вам сказал, что там был какой-то особенный подъем, пожмут плечами статистики. Скачок ВВП в 1930-е — это результат переброски трудового ресурса из сектора с низкой производительностью (сельское хозяйство) в сектор с высокой производительностью (конвейерное производство). Но в масштабах страны такую карту можно разыграть только единственный раз в истории, как это, собственно, и сделал в свое время товарищ Сталин. Он «построил» не «социализм», а командную систему, позволявшую мобилизовывать ресурсы и концентрировать их в довольно

узком сегменте — военной промышленности. А если посмотреть на экономический рост России на протяжении всего XX столетия, то он был даже ниже среднего — чуть меньше двух процентов в год, которые сейчас считаются российскими начальниками отличным достижением.

В то же время сегодняшняя «сталинская» политика дешевого труда, на которой зациклилось российское начальство, в сочетании с такой же политикой дорогого капитала (ее отражение — это высокие ставки кредита, спровоцированные высокими рисками невозврата займов), приводят к тому, что в промышленности применяются трудозатратные технологии, а не капиталоемкие. В точности, как в сталинские времена.

Как говаривали в лагерях Главного управления железнодорожного строительства: «Шпал не хватит — вас положу!»

Формально безработица невысока и рабочих мест много. Но это «плохие» рабочие места, не позволяющие работнику не то, что накопить капитал для инвестиций, но и выйти за пределы обеспечения своего выживания. Да, возможность «платить мало» формально означает повышение конкурентоспособности российских производителей и рост их прибылей. Но одновременно обнищание покупателей и падение потребительского спроса внутри страны заставляют получателей этой дополнительной прибыли искать объекты для инвестиций за рубежом. И поэтому рост прибыли крупных предприятий и рост доходов их владельцев никак не трансформируются в рост российской экономики, выраженный в росте благосостояния граждан.

Самым простым вариантом привлечения инвестиций было бы действительно (а не декларированное) обеспечение «прав вкладчиков», то есть собственников. Но решение

вопроса о собственности подорвет главную парадигму, в которой действует российский начальник, — источником собственности в реальности является власть. А не бумажка «прав» на гектары или квадратные метры...

А что же делать? Пока начальство действует по заветам товарища Сталина, выжимает из населения остаточный трудовой ресурс. Отсюда и слова начальника по экономике о чудотворности повышения пенсионного возраста. Отсюда и слова начальницы по медицине об эталонной системе здравоохранения. По этому же поводу начальник карагандинских лагерей — полковник Чечев — выражался откровеннее: «Инвалид у меня во всем лагере один — без двух ног. Но и он на легкой работе — посыльным работает!».

«В Советском Союзе темпы строительства железных дорог были хуже, чем у царей»

К распаду СССР общая протяженность железнодорожной сети составляла 147 тыс. километров. Для сравнения: сейчас в Америке 225 тыс. километров, при этом она в два раза меньше России, а нам остро не хватает железнодорожной сети, это сильно сдерживает освоение территории, развитие. Как образовался этот унаследованный дефицит?

В самом конце XIX века Ленин пишет замечательную работу «Развитие капитализма в России». В ней написано, что после реформ Александра II, царя-Освободителя, за 10 лет, с 1865-го по 1875-й, средний темп железнодорожного строительства в России составлял 1,5 тыс. километров пути в год. Быстрее, чем в Великобритании, но медленнее, чем в Германии, и еще медленнее, чем в Соединенных Штатах (в США, где не было никакого государственного регулирования, а был сплошной «либеральный беспредел», железные дороги в последней трети XIX века строились со скоростью 7-8 тыс. километров в год).

На рубеже веков, как пишет Ленин, темпы строительства составляли 2,5 тыс. километров в год. А в период строительства

Транссиба цифра доходила до 3 тыс. километров. На 1913 год, по данным статистических справочников, в России было построено примерно 70 тыс. верст железных дорог, Россия на втором месте после США (400 с лишним тыс. верст). Эти же данные приводятся в сталинской энциклопедии 1952 года. (При этом данных, какова была протяженность железнодорожного пути на 1917 год не было ни в одном советском справочнике, кроме ведомственных, закрытых, такие сведения появились только в постсоветский период: оказалось, за четыре года Первой мировой войны царское правительство много что построило — около 180 тыс. километров железных дорог).

Получается, что прибавка за советские годы составила 80 тыс. километров. Если бы темпы строительства оставались на уровне 3 тыс. километров в год, у нас было бы порядка 300 тыс. километров железнодорожных путей, что сопоставимо с Америкой. А если 1,5 тыс. в год, то больше 180 тыс. Но оказалось 150 тыс. Это значит, что в Советском Союзе благодаря индустриализации и всему остальному темпы строительства железных дорог были хуже, чем у Александра II и Николая II.

Согласно добросовестной постсоветской статистике на первую пятилетку 1928-33 годов было запланировано строительство 16 тыс. километров путей, примерно по 3 тыс. километров в год, то есть исходя из вполне реальных темпов, достигнутых царем-батюшкой на рубеже XIX и XX веков (цифра неслучайна: план составлял Георгий Тахтамышев, который во Временном правительстве две недели возглавлял Министерство путей сообщения). В итоге за первую пятилетку было построено свыше 6 тыс. километров пути, то есть план был выполнен на 40%. Но, имея за спиной эти «блистательные достижения», Сталин говорит, что по промышленности и транспорту первая пятилетка выполнена не за пять лет, а за четыре года плюс «особый квартал». Все встают, бурно аплодируют. Никто из железнодорожников не спрашивает: как так получилось?

Еще интереснее история со второй пятилеткой. В 1932 году, когда еще не подведены плачевные итоги первой, проходит партийная конференция и публикуются директивы на составление второго пятилетнего плана: построить 25-30 тыс. километров

железнодорожного пути и несколько десятков мостов через крупнейшие реки. Это значит 5-6 тыс. километров в год. Такие и близкие к ним цифры были показаны царской Россией только дважды — в 1899 году, когда как раз стремительно строился Транссиб, и в 1916-м, во время Первой мировой войны. В эти годы Россия вплотную подошла к темпам строительства железных дорог в Америке. И не зря Ленин писал, что капиталистическая Россия развивалась темпами истинно американскими. Даже быстрее. Потому что доля России в мировом промышленном производстве в конце XIX века увеличивалась быстрее, чем доля Соединенных Штатов.

Итак, в 1933 году становится понятно, что первая пятилетка выполнена на 40%. И тогда директивы на вторую пятилетку потихому подменяются планом, где говорится уже не о 25-30 тыс. километров, а об 11 тыс., это в 2,5 раза меньше. Сколько в итоге удалось построить за вторую сталинскую пятилетку? В [постсоветском] трехтомнике «История железнодорожного транспорта России и Советского Союза» сказано: 3,8 тыс. километров. Таким образом, победные директивы 1932 года выполнены на 11-13%. Но по итогам второй пятилетки проходит XVIII съезд ВКПб, где Молотов говорит, что задания партии в области промышленности и транспортного строительства выполнены с опережением графика. Все опять аплодируют.

Сталин был очень странным человеком и он не допускал никаких проявлений слабости. Если у него что-то не получалось, говорить об этом было нельзя, а можно было говорить только о том, что все получается, даже если не получалось. Я думаю, что у него было что-то с психикой, потому что он сам был абсолютно уверен, что все идет «как надо», а если железнодорожное строительство отстает, это потому, что кругом враги и предатели, и их надо расстрелять. Вместо Рухимовича поставить Андреева, а вместо Андреева — Кагановича (советские наркомы путей сообщения — Znak.com), и с Кагановичем будет все прекрасно. И действительно, стало «все прекрасно»: Каганович разоблачил в составе железных дорог 442 шпиона, 2 тыс. бывших белогвардейцев. И у Сталина ощущение, что у него все под контролем, Каганович на своем месте, докладывает об успехах, и газетные сводки полны сообщений о невероятных успехах. И

Сталин верит. Но при этом все ресурсы Наркомата путей сообщения брошены на строительство московского метро и никаких железных дорог в стране не строится.

«Силовики говорят: мы горбачевских ошибок не допустим»

И возникает вопрос: это у нас такая индустриализация, это так мы готовимся к разгрому Гитлера и ради этого погубили в коллективизацию 6-8 млн крестьян? Не слишком ли? Нет, нормально. Мы идем от победы к победе. К войне, в которой мы тоже победили, правда, пожертвовав более чем 20 млн человек.

В результате нам досталась рахитичная транспортная структура, острый дефицит населения. А самое печальное — недокормленные мозги и болезненные очи, которые ничего этого в упор не видят, а, наоборот, хотят видеть, какими мы были великими и могучими, как нам завидовал весь окружающий белый свет. Это и есть «Джугафилия и статистический эпос», когда цифры — это не отражение реальности, а иконописный узор вокруг облика вождя, издалека они похожи на цифры, но за ними ничего не стоит, кроме выдуманных пузырей. И от этого неприятно, начинаешь думать: за кого они тебя держат? С другой стороны, раз с тобой так общаются, ты, наверное, этого достоин.